

Игорь Шестков "Карбункул"

КАРБУНКУЛ

Так уж получилось, что многие друзья и знакомые рассказывали мне о том, о чем рассказывать не принято. Не знаю почему, но я очевидно располагал их к подобным излияниям. Особенно после совместного распития спиртных напитков. Проникновенные эти истории запали мне в душу.

Странно, память у меня дырявая, как жаберная сеть с крупными ячейками... во время учебы на мехмате формулы, определения и доказательства теорем выскакивали из головы также быстро, как имена летних кавказских подруг по возвращении в Москву. Но все эти покакания отлились соляными столбами на внутреннем ландшафте моей памяти. Из любого угла — их видно. На столбах стоят рассказчики или рассказчицы, протягивают ко мне свои огромные руки из соли и бубнят и бубенят...

Несколько раз я пытался срыть столбы бульдозером — не тут-то было! После долгих колебаний я решил, нехорошие эти рассказы записать и опубликовать, чтобы переложить боль и стыд — на читателя.

Так что, господа, предупреждаю, речь дальше пойдет об очень неприятных вещах, не сердитесь на меня потом... почитайте лучше какой-нибудь сказочный детектив или любовный роман с хеппи-эндом, написанный дамою... лучше английской... или посмотрите ироническую комедию с Вуди Алленом, потому что в моем тексте нет ни детективного сюжета, ни приключения, ни любви, ни иронии, ни хеппи-энда... только мучительство обычной жизни.

Эту историю рассказал мне один художник... горы все рисует... синих верблюдов, красных оленей, зеленых ишаков... смахивает немного на Сарьяна. Гостили мы у общего знакомого, успешного галерейщика, на загородной вилле под Мюнстером. Компашка небольшая, человек десять. Выпили хорошо, но не чрезмерно. Танцевали, курили травку, дурили... потом разошлись кто куда. Две парочки уединились. Хозяин с хозяйкой и двумя приятелями решили пересмотреть «120 дней», а мы с этим Сарьяном расселись в креслах у электрического камина в библиотеке. Приятно на родном наречии поболтать!

Камин обдавал нас теплыми волнами, сиреневые светильники светили тускло, старинные книжные корешки романтично поблескивали в полутьме.

Собеседнику моему было, как и мне, сильно за тридцать. Высокий, склонный к полноте восточный человек... интеллигентный... не липкий, не страстный... скорее спокойный... пожалуй, даже апатичный, что редко бывает с кавказцами. Звали его — Давид. Фамилия кончалась на «швили».

— Да, да, и имя и фамилия — грузинские, — подтвердил художник. — Папа мой курд, а мама — наполовину армянка, наполовину азербайджанка, из Тбилиси. Порох! Познакомились родители в Москве, оба учились на инженеров... ну и поженились... у отца был блат... остались в столице... так что я родился на Арбате, у Грауэрмана.

— А как же национальные обычаи, традиции, горы, верблюды, ишаки?

— Да пошли бы они... Хорошо идут у местных басурман... обхожусь без пособия. Отец из езидов, у них, между прочим, главный бог — павлин. А мать из семьи репрессированных сталинистов. Родители одного хотели, жить по-человечески... комнату снимали в коммуналке на Чистых прудах. Потом кооператив смогли купить... в Черемушках... там я в школу пошел. То, о чем я хочу вам рассказать, случилось со мной, когда я заканчивал восьмой класс... в апреле или мае. На улице было тепло. Травка зеленела, солнышко блестело... или как там?

Да, я был толстый... в детстве часто макароны ел... в восьмом классе был уже большой и килограмм на тридцать тяжелее, чем сейчас. Усы брил, а мозг все еще был как у ребенка. В голове — одни страхи, комплексы, а ниже пояса — страстные желания, неиспользованные гормоны. Отец умер рано, перебежал улицу Горького, попал под машину. Трагедия. Мать поплакала и хахаля завела. Я ревновал... в общем, судьба была — как у многих других... да еще и в школе меня затравили... измывались как могли. Дразнили черножопым, жиртрестом. А я был креативным невротиком, трусом, в кружок живописи ходил, туда, где одни девочки, защитить себя толком не умел. Много чего пришлось вынести... книгу могу об этом написать... только кто это будет читать?

Да, тогда, весной. Был наш класс дежурный по школе... помните еще эту советскую канитель? Повязки, уборки, проверки. Чччерт бы с ними... было уже

около пяти... остался я в школе один... нужно было еще классы на втором этаже проверить, вымыты ли, окна закрыть, если открыты, поставить галочки в каком-то истрепанном журнале, запереть школу, а потом ключи занести во флигель и завхозу в руки отдать. Все это я сделал... но перед тем, как уходить, услышал шум в мужском туалете и зашел туда. Застукал там двух третьеклассников, известных в школе хулиганов. Они сидели на подоконнике, курили папиросы и смачно плевали на вымытый пол. Не помню, как их звали... простые имена... ну, пусть будут Витька и Митька. Знаете, есть такой вырожденный тип русских детей. Худые... носы курносые приплюснутые... веснушки... лбов нет вообще, зато рты большие, челюсти как у этих... морлоков. И выражение глаз как у голодных крыс. Чтобы такое подтибрить... испортить... кого бы исподтишка ударить костлявым кулачком... унижить... девочку лапнуть... мальчику в лицо плюнуть... урки.

Трогать их боялись, потому что у них были старшие братья — человек пять банда — настоящая шпана. Братьев этих из школы несколько лет назад турнули, но о затеянных ими драках с поножовщиной еще помнили. Где-то они рядом жили... ошивались часто на школьном дворе. Деньги клянчили. Приставали... кого-то били. Поэтому Витька и Митька никого не боялись, вели себя нагло, задирали всех, даже некоторым учителям грубили. Грубили они и мне... плевались, обзывались. Я не реагировал, шел себе дальше, а потом замечал, как на меня смотрят девочки нашего класса... с презрением. А что я должен был делать... я чувствовал себя среди русских чужим, парией, боялся шпаны. Ну так вот, по шкодистому выражению их лиц я догадался, что они меня поджидали... значит меня ждет какой-то подвох. Может где-то тут и их братишки недалеко... с ножами. Стыдно мне это вам говорить, но я до смерти испугался этих пацанов... как слон моську... шарики какие-то панические через всего меня прокатились и упали в мошонку.

Они соскочили с подоконника и подошли ко мне. Витька (он был повыше и посильнее Митьки) ни слова не говоря ударил меня в живот кулаком. Я невольно присел и получил удар от Митьки — в нос. Витька ударил меня по скуле... Такой яростной атаки я не ожидал. Страх... гнев... как синие и красные огненные кони побежали перед глазами, но вместо того, чтобы встать и отогнать

маленьких негодяев, я сел на пол, закрыл лицо руками и заплакал.

А затем со мной случилось что-то непонятное. Не могу точно описать это чувство... как будто выпадаешь из поезда... да, меня вынесло из нашего мира как на салазках... тьфу, не даются мне метафоры... в общем... выбросило меня из этого вонючего советского туалета.

Очутился я почему-то в ресторане.

Сажу за столиком, передо мной тонкая рюмочка, в ней зеленая жидкость.

Ликер? Рядом — еще столики... и публика сидит на них... не нашинская.

Сутулый старик в золотом пенсне. Молодой брюнет с прилизанным пробором, а на галстук его зеленом — лучится рубин с трехкопеечную монету. Карбункул.

Толстый лысый дядька в роскошном малиновом пиджаке... с сигарой. Офицер в незнакомой форме, тоже в пенсне. На холеных руках — перстни.

На небольшой сцене пианино. Престарелый тапёр. И контрабасист-китаец с лицом мартышки. Во фраке. Наяривают чарлстон. Две обнаженные по пояс девицы танцуют. Худенькая брюнетка без груди с черненькими волосиками подмышками и пухлая блондинка с увесистыми грудями прекрасной формы. Потанцевали, подошли ко мне. Блондинка ударила меня кулаком в бок и превратилась в Витьку, а брюнетка — ударила в другой и превратилась в Митьку.

Витька взял меня за нос, дернул за ноздрю и спросил: Пузырь, ты чего, в обмороке?

Митька пояснил Витьке: Кабан от страха сейчас обоссется, смотри, как вспотел и губы трясутся!

— Давай ему штаны и трусы снимем! И с голой жопой на улицу выгоним.

Два негодяя тут же расстегнули мне брюки... стянули и штаны и трусы...

Витька, кривясь, дернул меня несколько раз за член и глумливо заржал. А

Митька ткнул пальцем с грязным обкусанным ногтем мне в лобок. Сморщился и прошепелявил: Гляди, волосня...

Достал из кармана школьного пиджака старую бензиновую зажигалку, щелкнул и поджег волосы. Захрустело и запахло жжёными перьями. Боли я не почувствовал, но огонь как будто опалил мне сердце.

Я вскочил... бешеная злоба бушевала во мне как Ниагарский водопад в

половодье!

Потушил одним хлопком огонь, схватил двумя руками мерзавцев за шкурки и треснул их друг об друга головами. Хотел разmozжить им бошки. И бил, бил их, в черном аффекте головами друг о друга. Не знаю, сколько времени. Как в чаду... положил истекающих кровью мальцов на кафельный пол. Как раз туда, куда они плевали. Затем снял с них брюки и трусы, разодрал их на тряпки и связал им руки и ноги. Боялся, что они очнутся, встанут и начнут опять меня избивать.

И тут... галлюцинация моя... ну та, ресторанный... возобновилась. Диссоциация что ли.

И вот, лежат передо мной, на бильярдном столе, на зеленом дорогом сукне те самые дамочки-суфражистки, блондинка и брюнетка... голые.

И потянуло меня к ним... как голодную собаку к мясу.

И я... впервые в жизни... да... ублажился и с той и с другой.

Как на фотке... продавали у нас в школе шведскую порнушку... сзади.

Разомлел.

И тут вдруг появляется китаец... ну тот, контрабасист. Бешено так на раскинувшихся девушек смотрит, а потом залезает на бильярдный стол и начинает их душить синими жилистыми руками. Задушил брюнетку, а потом за блондинку принялся.

Меня это убийство почему-то ничуть не взволновало... я встал и зашагал, качаясь, как привидение по длинному коридору, обитому от пола до потолка розовым шёлком.

Вернулся в ресторан, попросил извинения за то, что долго отсутствовал, у того, с пробором и карбункулом, присел к нему за столик и начал непринужденно беседовать, как примерно с вами сейчас. Пили мы абсент... закусывали лимонными дольками... и он рассказал мне о том, где и как он приобрел свою драгоценность. Оказывается, он работал военным корреспондентом в Шанхае в 1932 году, освещал захват японцами Маньчжурии. Писал он и о загадочном убийстве, случившемся у Великой Китайской Стены. При невыясненных обстоятельствах кто-то жестоко убил и ограбил семью богатого американца-туриста, купившего будто бы тот самый камень у беглого монаха. Мой друг

говорил и говорил, рассказывал подробности следствия, описывал его собственную роль в этом деле, и в частности то, как и почему он завладел рубином.

Я пожирал глазами карбункул, а затем... оторвал его от галстука, сжал в ладони... и его магические бордовые лучи, казалось, пронзили все клетки моего тела... я заснул... прямо за столиком.

А проснулся — как вы уже, наверное, догадались — все в том же школьном туалете. На полу. Без штанов. Рядом со мной лежали два полуголых связанных мальчика. Бездыханных.

На голову мне как будто кто-то ведро цемента опрокинул.

Засудят. Посадят. Жизни конец.

И тут в туалет вошла милиция. Завхоз, оказывается, вызвал. Ждал, ждал ключа... не дождался, обошел школу и нашел троих окровавленных школьников на полу в туалете. Подумал, что все мертвые и побежал звонить.

На следствии я повторял одну и ту же фразу — знакомый отца адвокат подсказал — закончил дежурство, зашел в туалет, увидел третьеклассников, тут на нас напали, а кто не знаю, потерял сознание.

Версию мою подтвердило то, что лицо и тело у меня были в синяках. Рядом с причинным местом — ожог. Видимо, пока я в первый раз галлюцинировал, маленькие садисты продолжали меня избивать.

Давид сделал паузу. Видимо, боролся с собой. Потом проговорил что-то вроде — ах, да что уж теперь — и продолжил рассказ.

— Да, Антон, так все и было... но самое интересное... вот тут, в маленькой коробочке... ношу всегда с собой... посмотрите...

Он вынул что-то из внутреннего кармана пиджака и подал мне. Это был крупный, чистейшей воды рубин. Карбункул!

Я похмыкал, а затем не удержался и спросил: Откуда это у вас такое сокровище?

Он дернул щекой и сказал: Вы конечно не поверите, но камень этот я сжимал в руке тогда... когда проснулся на заплеванном полу в школьном туалете.